

скольких городах¹³, но, как бы там ни было, взаимообусловленность гражданского и владельческого статуса становилась фикцией. С другой стороны, к *incolae* могли принадлежать также атрибуированные городу племена, владевшие землей на городской территории, но не имевшие городского гражданства¹⁴. Их отношения с городами бывали весьма различными. Наиболее состоятельные из них подчас включали в состав граждан при условии отправления магистратур; иногда города облагали их в свою пользу повинностями, назначая им администрацию из числа граждан; иногда, напротив, они пользовались известным самоуправлением, составляя как бы особую общину, в некоторых случаях сливавшуюся позднее с городом. Выступали такие группы и в качестве арендаторов земель городов и граждан. Но, во всяком случае, несовпадение владельческого и гражданского статуса выступает здесь четко. Оно вело к чуждому античным отношениям противоречию между городом и деревней и разделению городского населения на городскую и сельский плебс. Такое разделение обнаруживается уже в некоторых надписях II в.¹⁵ и юридически, видимо, оформляется в середине III в., когда юрисконсульт Модестин дал разъяснение, что проживающий и работающий в поле не является *incola* (*Dig.*, I, 1, 35). Как известно, к началу IV в. различие между городским и сельским плебсом проводится в законах уже постоянно.

Немаловажное значение имело и постепенное исчезновение городского *ager publicus*, служившего общими угодьями. Он либо сдавался в долгосрочную или краткосрочную аренду, либо обрабатывался самим городом, по свидетельству Плиния Младшего, крайней небрежно¹⁶. Постепенно эти земли захватывались частными лицами, хотя императоры и их наместники пытались бороться с данным явлением и возвращать захваченные земли городам¹⁷. Однако приостановить расхищение городских земель не удалось. Соответственно вспомоществование неимущим осуществлялось уже не в форме наделения их землей, а в форме денежных и натуральных раздат. Характер города как коллектива земельных собственников чем далее, тем более изменялся. Земельными собственниками оставались в основном декурионы, муниципальная знать. Значительная и все возрастающая часть горожан жила ремеслом, торговлей, трудом за плату, раздачами. Постепенно стало размываться и сословие декурионов, многие из которых разорялись из-за переобременения хозяйства все возрастающей потребностью в деньгах, не покрывавшейся доходом от имений, в которых производительность труда рабов и арендаторов, работавших за деньги, возрастала слабо или вовсе не возрастала. Параллельно сходило на нет и демократическое устройство городов. Власть переходила в руки верхушки декурионов, сумевших приумножить свое богатство.

На разложение городского гражданства значительное влияние оказывало и выделение из городских территорий имений сенаторов (*Dig.*, I, 22, 4—6; 23). По мере того, как все большее число крупнейших провинциальных землевладельцев получало сенаторское достоинство, истощался городской земельный фонд, и города лишались наиболее богатых и способных поддерживать их граждан.

Изменяются и формы интеграции индивидов в различные коллективы, и характер их связи с государством. С появлением стоящей над городом императорской власти связь с нею гражданина опосредствуется городом.

¹³ *Dig.*, I, 1, 5; 6, 2; 27, 1—2; 37; *CIL*, II, № 105, 1936—1964, 5439; VIII, № 1641; X, № 5853.

¹⁴ *CIL*, V, № 532, 875, 5050; *Chatelain*. *Inscr. latin de Maroc.*, № 116; *Dessau*. *Inscr. Lat. Sel.*, № 6753.

¹⁵ *CIL*, V, № 5262; IX, № 5428; XI, № 6505.

¹⁶ *Plin Sec.*, *Epist.*, VII, 18.

¹⁷ *Schriften der röm. Feldmesser*, I, S. 79; *Dig.*, XXXI, 78; *CIL*, X, № 1018, 3917, 5813; *AE*, 1945, № 85, 1948, № 1.